

Иеромонах Ириней (Пиковский)

Псалмы Септуагинты как пример теологического перевода

DOI 10.47132/1814-5574_2021_2_157

Аннотация: В данной статье анализируются предпосылки к тому, чтобы считать перевод Септуагинты теологическим переводом Ветхого Завета на греческий язык. Анализируя методологические аспекты переводческой техники создателей Септуагинты, Михаил Селезнев (2016) выдвинул предположение, что данный тип перевода отражает культуру и коллективное сознание социума своей эпохи. Он приводит примеры, где «теологическая мотивировка» переводчиков Септуагинты, по его мнению, могла быть обусловлена не богословским замыслом, а переводческой техникой, т. е. те случаи, где трудно или даже ошибочно утверждать об исключительно «теологической» тенденции в переводе. Не возражая, но продолжая начатую Селезневом тему исследования, автор настоящей статьи показывает на примерах из Псалтири те случаи, когда, напротив, подбор аналогов еврейским словам мог осуществляться не случайно. Из поля семантических значений переводчики могли выбирать те эквиваленты, которые более всего соответствовали их представлениям о вере в Бога. А это значит, что процесс перевода священного текста в некоторых случаях может быть обусловлен не только переводческой техникой, творческой работой филолога, но и теми интенциями, которые были заложены в текст его авторами, отождествляющими себя с той религией, священные тексты которой они переводили. Следовательно, как в эпоху появления греческой Псалтири, так и сейчас можно говорить об особом «теологическом методе», который нельзя свести к техническому или художественному переводу.

Ключевые слова: Библия, Масоретский текст (МТ), Септуагинта (LXX), Псалтирь, переводы Библии, Синодальный перевод (СП), экзегетика, богословие библейское, перевод теологический, методология перевода.

Об авторе: **Иеромонах Ириней (Пиковский Иван Витальевич)**

Аспирант Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

E-mail: irenaeus@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1532-4625>

Ссылка на статью: Ириней (Пиковский), иером. Псалмы Септуагинты как пример теологического перевода // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 157–169.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2021

Hieromonk Iriney (Pikovskiy)

The Psalms of the Septuagint as an Example of a Theological Translation

DOI 10.47132/1814-5574_2021_2_157

Abstract: This article analyzes the preconditions for considering the translation of the Septuagint as a theological translation of the Old Testament into Greek. Analyzing the methodological aspects of the translation technique of the creators of the Septuagint, Mikhail Seleznev (2016) suggested that this type of translation reflects the culture and collective consciousness of the society of its era. He cites examples where the “theological motivation” of the translators of the Septuagint, in his opinion, could be due not to theological intent, but to the translation technique, i.e. those cases where it is difficult or even erroneous to assert about an exclusively “theological” trend in translation. Without disagreeing, but continuing the research topic started by Seleznev, the author of this article shows, with examples from the Psalter, those cases when, on the contrary, the selection of analogs to Hebrew words could not have been done by chance. From the field of semantic meanings, translators could choose those equivalents that most corresponded to their ideas about faith in God. And this means that the process of translating a sacred text in some cases may be conditioned not only by the translation technique, the creative work of the philologist, but also by those intentions that were laid down in the text by its authors, identifying themselves with the religion whose sacred texts they translated. Consequently, both in the era of the appearance of the Greek Psalter, and now we can talk about a special “theological method” that cannot be reduced to technical or literary translation.

Keywords: Bible, Masoretic text (MT), Septuagint (LXX), Psalter, Bible translations, Synodal translation (SP), exegesis, biblical theology, theological translation, translation methodology.

About the author: **Hieromonk Iriney (Pikovskiy Ivan Vitalievich)**

Postgraduate Student at Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies.

E-mail: irenaeus@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1532-4625>

Article link: Iriney (Pikovskiy), hieromonk. The Psalms of the Septuagint as an Example of a Theological Translation. *Khristsianskoye Chteniye*, 2021, no. 2, pp. 157–169.

Введение

Несмотря на то, что начиная с XIX в. в России ведется постоянная работа по переводу Библии на языки проживающих в стране народов, методологических исследований по особенностям перевода данного сакрального текста было опубликовано сравнительно немного [Десницкий, 2011; Десницкий, 2015]. Отечественный читатель сталкивается с той проблемой, что подчас результирующие версии одной и той же Библии значительно разнятся. Особенно это касается Псалтири, источником для перевода которой может быть как еврейский, так и греческий исходник.

Разница в исходных текстах является первопричиной тому, что результирующие русские переводы псалмов (О. Э. Мандельштама, еп. Порфирия, П. А. Юнгера, С. А. Аверинцева, М. П. Кулакова, А. Э. Графова), сделанные с еврейского и греческого языков, — звучат и понимаются по-разному [Скобелев, 2011]. А причины разночтений следует искать в методологии первоначального перевода Священного Писания с еврейского языка на греческий.

В дошедшем до нас варианте еврейской Библии, лучше всего сохранившейся в так называемом масоретском тексте (далее — МТ, XI в.), и греческом Ветхом Завете, наиболее полно представленном в рукописях Септуагинты (далее — LXX, IV–V в.), отражены особенности лексики и грамматики двух культур. Это связано с тем, что процесс перевода еврейского Писания был обусловлен не только особенностью выбора лексем из греческого семантического поля, но и стремлением донести те «истины» в его понимании, которыми руководствовались переводчики текста как его интерпретаторы [Селезнев, 2008, 58]. В результате до нас дошли памятники двух разных миров — древневосточного Израиля и эллинизма на границе нашей эры [Селезнев, 2008, 61].

Создатели LXX были людьми религиозными. Строгое соблюдение законов Моисея считалось для них нормой. Отношение к сакральному тексту Писания было у них столь благоволевым, что впоследствии появлялись предания, отраженные в «Письме Аристее», о семидесяти святых старцах, которые независимо друг от друга создали идентичные переводы. В связи с этим особого внимания заслуживают те разночтения, где переводчики стремились сделать текст яснее, понятнее и логичнее, дополнить «недосказанное» в особо важных с теологической точки зрения местах.

В поисках «теологии Септуагинты» Михаил Георгиевич Селезнев обращает внимание на те переинтерпретации, когда речь идет о понятиях и представлениях, связанных с религией, т. е. о тех случаях, когда обычно говорят о «богословски мотивированной редакции» [Селезнев, 2016, 8]. Однако он разбирает те примеры, где «теологическая мотивировка» переводчиков LXX могла быть обусловлена не богословским замыслом, а — переводческой техникой. По его мнению, в некоторых местах Ветхого Завета, где переводчик сталкивался с трудностями переноса информации о Божественном из одной языковой среды в другую, он мог использовать не теологические методы, а — литературные. А это значит, что теологические трансформации в священных рукописях могли происходить до или после, или в самом процессе перевода.

Не спорим, что будет абсурдным однозначно утверждать о «теологичности» процесса перевода повсеместно, поскольку переводчик порой неосознанно выбирал те лексемы, которые на первый взгляд нам кажутся «теологической правкой», но на самом деле отражают культуру и «коллективное сознание данного социума в данную эпоху» [Селезнев, 2016, 26]. Невозможно не согласиться с Михаилом Георгиевичем, что в «серых зонах» трудно однозначно говорить о «теологии LXX».

Однако нам хотелось бы продолжить актуальное в наши дни исследование по обозначенной проблематике и привести в дополнение ряд примеров, в которых, как нам кажется, новый текст получает не просто близкие литературные эквиваленты, но — те оттенки, которые настраивают тонкости представлений о Божественном для новой целевой аудитории. Речь в данном случае может идти о мотивированной,

эксегетической правке, в основе которой лежат религиозные познания о Боге переводчиков как «практикующих теологов».

Объектом нашего исследования будет Псалтирь. После рассмотрения ее текстологических основ мы подойдем к примерам нескольких ключевых слов, перевод которых позволяет говорить о «богословской» направленности метода, которым пользовались переводчики.

Псалтирь как объект филологического и теологического исследования

Наряду со Второзаконием и Исаяей, книга Псалмов в древнем Израиле была в числе самых популярных вплоть до разрушения Второго храма (до 70 г. по Р. Х.). Об этом свидетельствует многочисленность псалмов, сохранившихся в рукописях Мертвого моря: 40 свитков, в которых фрагментарно или полностью присутствует 126 канонических псалмов [Flint, 1998, 455].

Поскольку дошедшие до нас фрагменты из Кумрана (II–I в. до Р. Х.) весьма близки к Ленинградскому кодексу (XI в. по Р. Х.), на котором базируются основные издания МТ, можно предполагать, что на протяжении столетий Книга псалмов претерпела не много существенных изменений [Flint, 1997, 257–264]. В Кумранских рукописях значительно больше различий в композиции сборников псалмов, чем в самих текстах.

Анализ переводческой техники LXX по самым полным из дошедших до нас греческих кодексов (Синайский, Ватиканский, Александрийский, IV–V в. по Р. Х.) показывает, что в древности перевод псалмов на греческий язык выполнялся достаточно буквально. Переводчик старался передать не только содержание, но и форму текста, сохраняя такое же количество слов, как в оригинале [Austermann, 2003, 39–40]. Как считает Карэн Джобс, переводчик в первую очередь заботился о точности в передаче ключевых слов, морфологических и лексических единиц текста, отчего порой страдала ясность результирующего перевода [Jobes, 2016, 176]. Дошедшие до нас ревизии в лице Феодотиона и Аквилы не столько вносят разночтения, сколько оттачивают такой буквализм перевода до совершенства [Lange, Tov, 2017, 98].

Несмотря на то, что греческий перевод напоминает подстрочник для еврейской Книги Хвалений, Альберт Питерсма считает, что перед нами — интерпретация исходного текста, отражающая религиозные представления евреев эллинистической диаспоры III–I века до Р. Х. [Pietersma, 2007, xiv]. В то же время, исследуя социолингвистические реалии той эпохи (*Sitz im Leben*), типичные тождества между еврейскими и греческими словами, характер использования артиклей и служебных частей речи (предлогов, союзов, частиц), как полагает Питерсма, за гебраизмами псалмов LXX можно увидеть слишком много не-греческого, словно по сказанному в Писании: «голос, голос Иакова; а руки, руки Исавовы» (Быт 27:22) [Pietersma, 2007, xx]. В силу этого Джеймс Айткен выдвигал гипотезу, что перевод псалмов был сделан в Палестине во II в. до Р. Х. с литургическими целями, выходящими за пределы храма [Aitken, 2015, 321]. В греческих псалмах отразилось влияние перевода Пятикнижия, а перевод самой Псалтири, в свою очередь, повлиял на греческую версию Исаяи, Притч и 1-ю книгу Маккавеев.

Если следовать данной логике, то перед нами предстает греческое зеркало не дошедшего до нас еврейского протографа, поверхность которого отполирована религиозной чувствительностью переводчиков, стремившихся быть внимательными в отношении терминологии, когда речь касалась Бога даже по касательной, иначе — в темах, связанных с теологией.

Богословско-эксегетических сочинений по толкованию Псалтири в России было опубликовано сравнительно немного. Среди дореволюционных монографий можно выделить труды архиеп. Ириней (Клементьевского) «Толкование на Псалтирь, по тексту еврейскому и греческому» (Ч. 1–2; 1791, 1807), еп. Палладия (Пьянкова)

«Толкование на псалмы» (1874), свящ. Херосима Орды «Руководственное пособие к пониманию Псалтири» (1882), прот. Григория Разумовского «Объяснение священной книги псалмов» (1914). Эти и иные дореволюционные исследования стремились передать дух святоотеческой экзегезы с привлечением, в незначительной мере, семантических значений ключевых слов из еврейского или греческого текста Писания. Апологетическое сочинение прот. Николая Вишнякова «Толкование на Псалтирь (Пс 1–35)» (1880–1891) в какой-то мере было направлено на развенчание историко-критического метода, проникающего с Запада. Сочинение еп. Никанора (Каменского) «Изображение Мессии в Псалтири» (1878) вполне можно назвать собственно теологическим исследованием Псалтири, в котором с опорой на православную догматику был представлен образ Мессии Иисуса.

Более подробно нам хотелось бы коснуться изданного в 1897 г. сочинения Павла Юнгера, которое в целом суммирует дореволюционный подход к пониманию «Вероучения Псалтири» [Юнгер, 2009, 554–10]. Отталкиваясь от наработок немецких ученых в области «библейского богословия», автор стремится раскрыть такие темы, как учение о Боге, ангелах и злых духах, о человеке и Мессии, о царстве Спасителя и загробной жизни. Построенная профессором Казанской духовной академии «вероучительная система», безусловно, соответствует догматике Православной Церкви, однако она никак не увязывает «библейское богословие» с текстологией и лингвистикой. Такой подход по формированию «богословской системы» без учета литературных особенностей исходников в современной российской экзегетике подвергается критике [Десницкий, 2011, 68]. Андрей Десницкий справедливо замечает, что современные исследователи стремятся увидеть за библейским текстом живых авторов, а не примеры «систематического богословия», основанные на писаниях пророков и апостолов [Десницкий, 2011, 169]. Другими словами, в наши дни исследователи чаще ищут ответ на вопрос, как текст был *создан*, а не как он был *воспринят* в истории его толкования [Pietersma, 2007, xvi].

В иностранной литературе вопросами греческой Псалтири интересовались в начале XX в. [Mozley, 1905], затем после некоторого затишья на рубеже XX–XXI в. дискуссия по вопросам соотношения методологии перевода и теологии LXX разгорелась с новой силой в связи с защитой диссертации Иоахима Шапера по эсхатологии Псалтири [Scharer, 1995]¹. Отрадно, что в последнее десятилетие на темы, связанные с филологией и теологией LXX, стали появляться статьи и в отечественной периодике².

Чтобы показать «теологичность» древнегреческой Псалтири, а именно что трансформация понятий происходила в момент перевода ключевых слов с одного языка на другой, мы воспользуемся условием, выдвигаемым Михаилом Селезневым,

¹ После публикации диссертации И. Шапера появились новые исследования за и против теологии Псалтири. См.: Der Septuaginta-Psalter und seine Tochterübersetzungen / Eds. Aejmelaeus A., Quast U. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2000; Der Septuaginta-Psalter: Sprachliche und theologische Aspekte / Ed. Zenger E., Aejmelaeus A. Freiburg: Herder, 2001 (Herders biblische Studien 32); The Old Greek Psalter: Studies in Honour of Albert Pietersma / Eds. Hiebert R. J. V., Cox C. E., Gentry P. J. Sheffield: Sheffield Academic, 2001 (JSOTSup 332); Kreuzer S. The Bible in Greek: Translation, Transmission, and Theology of the Septuagint. Atlanta: SBL Press, 2015; Die Theologie der Septuaginta – The Theology of the Septuagint / Eds. Ausloos H., Lemmelijn B. Gütersloher Verlaghaus, 2020.

² Обозначим лишь несколько публикаций, в которых филологические исследования Псалтири идут бок о бок с размышлениями о теологии LXX: Лазаренко О. М. Переводчик Псалтири Септуагинты как переистолкователь еврейского оригинала. Возникновение греческой Псалтири: цели и методы перевода // Богословский вестник. 2010. № 10. С. 180–199; Мусина Л. Ю., Селезнев М. Г., Шмаина-Великанова А. И. Ἀνομία, ἄνομος, ἀνομιέω в Псалтири Септуагинты и богословие «закона» // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2016. № 2 (20). С. 755–764; Андреев Д. Ю. «Лицо Господне» — один из важнейших антропоморфизмов в богословии Псалтири // Сборник трудов кафедры библеистики Московской духовной академии. 2018. № 5. С. 207–226; Шперл К. А. Религиозная функциональность надписаний ветхозаветных псалмов (на примере ἐπὶ τῶν ἀλλοιωθησομένων в Септуагинте) // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 2 (412). С. 34–39.

согласно которому о неслучайности можно говорить в тех случаях, «когда мы видим в греческом переводе ряд однородных правок, выявляющих одну и ту же тенденцию» [Селезнев, 2016, 26]. При этом мы будем в первую очередь обращать внимание на исключения из правила, когда заметно, что переводчик делает свое дело не автоматически, а задумывается, следует определенным тенденциям при выборе смысловых эквивалентов.

Примеры теологической правки в греческой Псалтири

Как замечает А. Ценгер, первое, что напрашивается в ответ на поиск теологической терминологии в псалмах — это имена и атрибуты Бога, стремления провести четкие границы между религией поклонения Яхве и языческими культами [Zenger, Aejmelaeus, 185–195]. Однако, поскольку на эти «священные» темы опубликовано достаточно специальных статей³, нам хотелось бы остановиться на нескольких словах, которые на первый взгляд не связаны с Богом напрямую, но тем не менее в псалмах LXX они получают определенное богословское преломление. Характер их употребления показывает, что создатели LXX не просто выбирали более-менее подходящие эквиваленты еврейским понятиям, но делали мотивированные акценты.

ἡσυχία и εἰρήνη

Древнееврейское существительное ἡσυχία происходит от корня ἡשק, который в социальной сфере характеризует свободное развитие общества, целостность и гармонию общественных отношений, порядок во всех сферах устройства государства, иными словами — мирные отношения (Пс 34:20; 27:3; 119:7)⁴. Такие мирные отношения могут скрепляться договором: הַשְׁקֵת הַיָּמִים — это мир, наступивший после вступления в завет с Богом (Иез 34:25; 37:26), спасительный «мир» (см. Пс 84:9, 11). В личной жизни ἡשק указывает на физическое здоровье, удовлетворенность, плодородие, иными словами, характеризует «благополучие, процветание» человека (см. Втор 23:7; Исх 4:18; Пс 54:19; Пс 121:6) [HALOT, vol. 3, 1999, 1507]. «Шалом» — это всеобъемлющее выражение, обозначающее все, что люди древнего Ближнего Востока желали в качестве благословения: безопасность и стабильность, которая приносит пользу и способствует общественной жизни и индивидуальному счастью.

В качестве эквивалента для ἡσυχία создатели Септуагинты 174 раза выбирают слово εἰρήνη, 12 раз — εἰρηνικός, 10 раз — ὑγιαίνω, 3 раза σωτηρία, 2 раза εἰρηνεύω, 2 раза χαίρω, а остальные слова, как правило, всего по одному разу. В псалмах термин εἰρήνη и однокоренные слова (например, εἰρηνικός) встречается 27 раз⁵. Как видно, переводчики стремились установить более-менее однозначный греческий эквивалент для еврейского понятия ἡσυχία. Слово εἰρήνη как в иудейской, так и в эллинской культуре указывает на «мирные» отношения между народами или отдельными личностями (см. 2 Цар 11:7; Пс 24:9) [BDAG, 2000, 287]. Однако, εἰρήνη в эллинистической литературе обозначает не отношения между людьми, как ἡσυχία, а состояние «мирного времени» (ощутимая противоположность πόλεμος). Из «состояния мира» проистекают благословения как для земли, так и для людей. Слово εἰρήνη (мир) может сопровождаться словом ἡσυχία (покой), а синонимом служить слова φιλία (дружба) или γαλήνη (спокойствие, штиль). Если для древних греков εἰρήνη имеет достаточно «мирское»

³ Хороший обзор библиографии по именам и атрибутам Бога в LXX представлен Мартином Рёзелем. См.: Rösel M. Towards a «Theology of the Septuagint» // Septuagint Research: Issues and Challenges in the Study of the Greek Jewish Scriptures / Eds. Kraus W., Wooden R. G. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2006. P. 239–251.

⁴ Здесь и далее нумерация псалмов приводится по Синодальной Библии издания 1956 г.

⁵ См.: Пс 4:9; 27:3; 28:11; 33:15; 34:20, 27; 36:11, 37; 37:4; 40:10; 54:19; 71:3, 7; 72:3; 84:9, 11; 118:165; 119:6–7; 121:6–8; 124:5–6; 147:3.

значение, то в LXX оно получает концентрированное религиозное содержание: «мир» как благословение Божие.

Наш интерес вызывают те случаи, когда переводчики LXX используют в качестве эквивалента для עִירָהֵן не εἰρήνη , а ἀποδίδωμι и однокоренные слова (например, ἀνταλόδοσις).

Так, в еврейском тексте 54-го псалма описываются желающие войны враги, которые весьма докучают псалмопевцу. Бог (לֵךְ) смирит их, «протянет руки Свои на бывших с Ним в мире (יִמְלֶשׁבַּב) и разорвет (לִרְקַע) Свой договор» (ст. 21). По греческой версии псалма, Бог (ὁ θεός) протянет руку, «когда будет воздавать (ἐν τῷ ἀποδιδόναι) нарушившим (ἐβέβηλωσαν) Его завет».

В аппарате к *Biblia Hebraica Stuttgartensia* предлагается простое решение вопроса, почему в тексте перевода вместо ожидаемого εἰρήνη появилось ἀποδίδωμι : возможно, греческие переводчики держали перед глазами текст со словом עִירָהֵן ? В таком случае предполагается случайный выбор переводчиками ἀποδίδωμι вместо εἰρήνη . Однако сопоставление 20-го и 21-го стихов греческого псалма дает параллелизм между близкими по семантике словами ἀντάλλαγμα (воздаяние, плата; ср. Иер 15:13) и ἀποδίδωμι (возмещение, награда; см. Пс 27:4). С учетом параллелизма, по LXX выходит, что Бог «воздаст» (ἀποδίδωμι) тем, кто не «воздаст» (ἀντάλλαγμα) Ему, потому что они «не убоялись Бога» ($\text{οὐκ ἐφοβήθησαν τὸν θεόν}$, ст. 20) и в результате сами «осквернили Его завет» ($\text{ἐβέβηλωσαν τὴν διαθήκην αὐτοῦ}$, ст. 1).

Общий контекст греческой версии позволяет сделать вывод, что в данном случае ἀποδίδωμι не было поэтической альтернативой для εἰρήνη . Скорее всего, перед нами теологически обоснованная замена: поскольку враги Бога не воздали Ему ожидаемого почта, они просто не имеют права быть носителями священного «мира» (עִירָהֵן).

То же самое можно сказать про 68-й псалом. По еврейскому тексту 23-го стиха автор проклинает своих врагов со словами: пусть пребывание их «в мире» (עִירָהֵן) станет им «западной» (עִירָהֵן). Греческий переводчик, видимо, хотел избежать «светского» употребления слова «мир» (עִירָהֵן) и поэтому перевел это выражение иначе: «в воздаяние и в западно/соблазн» ($\text{εἰς ἀνταλόδοσιν καὶ εἰς σκάνδαλον}$).

В тексте 90-го псалма появляется редкий термин עִירָהֵן , который встречается в Библии всего один раз [HALOT, vol. 3, 1999, 1540]. Его корень восходит к тому же понятию עִירָהֵן , а значение устанавливается по греческой версии псалма, где речь идет о «возмездии» (ἀνταλόδοσις) Бога грешникам (ст. 8).

Особенность семантики εἰρήνη по LXX Эммануил Тов называет гебраизмом. На его взгляд, переводчики LXX не размышляя ставили в текст εἰρήνη , поскольку этот термин являлся для них символом еврейского עִירָהֵן [Тов, 1999, 89]. Однако, как показывают исключения из этого правила, создатели LXX не всегда заменяли עִירָהֵן на εἰρήνη автоматически. В Септуагинте есть ряд случаев, когда эквивалентом слову «мир» становились понятия «спасение» (σωτηρία ; см. Быт 26:31; 28:21; 41:16), «совершенный» (τέλειος ; см. 3 Цар 8:61; 11:4; 15:3; 1 Пар 28:9), «полный» (πλήρης ; см. Руфь 2:12; 4 Цар 20:3; 1 Пар 29:9), «истинный» (ἀληθινός ; см. Втор 25:15; Ис 38:3) и ряд других. Аргументы Аустермана, что причины наблюдаемых различий между еврейским и греческим словами продиктованы иным еврейским *Vorlage*, ошибкой переводчика в огласовке еврейских слов, непониманием переводчиком исходного еврейского слова или стилистическими факторами, вряд ли здесь уместны [Austermann, 2003, 171].

В данном случае исключения из правила скорее свидетельствуют в пользу того, что греческие переводчики использовали слово εἰρήνη не механически. Анализ контекстов употребления слова «мир» (εἰρήνη) по LXX показывает, что, в отличие от эллинского представления о том, что «мир» — это результат договорных отношений между людьми⁶, в представлении иудеев источником «мира», здоровья и благополучия является Господь (см. 3 Цар 17:22); [TDOT, vol. 15, 2006, 13–49]. Поэтому в периоды

⁶ Ср. употребление εἰρήνη у Herodotus, Hist. 1.74; Xenophon, Cyrop. 3.2.12; Diodorus Siculus, 16, 60, 3 и у Ис. 26:12; Суд. 6:23; 1 Цар. 1:17. См.: [Liddell-Scott Lexicon, 1996, 490].

отсутствия «мира» в стране в пророческой литературе «мир» приобретал мессианские черты (см. Ис 52:7). А в ранней христианской литературе с «миром» стал ассоциироваться Богом установленный «порядок» (см. 1 Кор 14:33; 1 Клим 20:1).

הַמָּן וְθΥΜΟΣ, ὀργή

Древнееврейское существительное הַמָּן в 117 из 125 случаях употребления в еврейской Библии означает «ярость, неистовство», чувство сильного гнева (см. Пс 6:2; 36:8; 58:14; 75:11 и др.), реже — «яд», токсин, выделяемый некоторыми змеями или скорпионами (см. Пс 57:5; 139:4), и всего один раз — «горячность», высокую температуру (см. Ос 7:5).

В Септуагинте слово הַמָּן получает почти 15 эквивалентов, из которых в Псалтири чаще всего употребляются слова θυμός⁷ и ὀργή⁸, означающие в эллинистической литературе «гнев, страсть, отвага». Еврейское הַמָּן по семантическому полю не эквивалентно греческим θυμός и ὀργή, но, становясь в LXX стандартным, греческие слова устанавливают теологические параметры понимания הַמָּן.

Так, например, в первой строке 6-го псалма по МТ автор буквально просит: «Господи! Не во гневе Твоем упрекай (наказывай) меня и не в ярости Твоей наставляй (наказывай) меня (הַמָּן אֶל-בְּרַחֲמֶיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ לֹא-תִקְרַחַנִּי וְלֹא-תִפְתָּחַנִּי בְּיָרֵךְ אֱלֹהֵינוּ)» (Пс 6:1). Синонимический параллелизм еврейского текста находит свое зеркальное отражение в греческом переводе: «Господи! Не во гневе Твоем упрекай меня и не в ярости Твоей наставляй меня (κύριε μὴ τῷ θυμῷ σου ἐλέγξῃς με μηδὲ τῇ ὀργῇ σου παιδεύῃς με)». Как видно, переводчик LXX буквально калькирует исходник, сохраняя тот же порядок слов и характер лексики. При этом θυμός и ὀργή являются синонимами и имеют значение «гнев Божий». Их парное употребление встречается также в Пс 36:8; 37:1; 77:38; 89:7.

Однако в 18-м псалме, где описывается шествующее по небу солнце, «и ничто не укрыто от гнева его (הַמָּן)» (Пс 18:7), переводчик предпочитает вместо הַמָּן употребить более сглаженное слово θέριμ, которое говорит о жаре как о высокой температуре (см. Иов 6:17; Деян 28:3). Избегая употребления слов θυμός и ὀργή, он тем самым подчеркивает, что бездушное небесное светило не может выражать эмоцию гнева так, как гневается Господь или человек.

Совсем иную ситуацию мы видим в 57-м псалме, где идет речь о нечестивых людях, которые говорят ложь от утробы матери. По МТ, «яд у них как яд змеи, глухой кобре (змее) затыкающей уши свои (הַמָּן כַּמִּוֶּצֵת הַמִּתְנַחֵשׁ כְּמִוֶּצֵת הַמִּתְנַחֵשׁ שֶׁחָרַשׁ אָזְנוֹ)» (Пс 57:5). Здесь переводчик убирает повтор слова הַמָּן и предлагает такую версию стиха: «гнев у них по подобию змеи, как аспиды (змеи) глухого (немого) и затыкающего уши свои (θυμός αὐτοῖς κατὰ τὴν ὁμοίωσιν τοῦ ὄφραως ὡσεὶ ἀσπίδος κωφῆς καὶ βουούσης τὰ ὦτα αὐτῆς)». Поскольку еврейские и греческие рукописи в данном стихе не имеют каких-либо разночтений, остается предположить, что создатель LXX сознательно убрал дублетное הַמָּן. Употребление слова «гнев» (θυμός) вместо более близкого по смыслу слова «яд» (ἴος; ср. Пс 139:4) показывает, что переводчик уходит от отождествления человека, каким бы негодяем он ни был, со змеей.

⁷ См. Пс 36:8; 57:5; 87:8 и др.

⁸ См. Пс 6:2; 37:2; 58:14; 77:38 и др.

⁹ Первоначальное значение слова Θυμός, как считает Холландер, имело широкое значение: «желание», «страсть», «темперамент», «центр эмоциональной или мыслительной деятельности» и проч. Θυμός у древних греков обозначал «жизненный принцип» или «жизненную силу». В LXX происходит сужение семантического поля θυμός до «гнева». У ап. Луки и в Посланиях ап. Павла (кроме Рим 2:8) θυμός по большей части используется для обозначения гнева людей. Если в Рим 2:8 θυμός вместе с ὀργή относится к Божественному гневу Последнего суда (эта пара слов определено взята из Ветхого Завета. Ср., например, Втор 9:19; Пс 2:5; Ос 13:11), то в позднем иудаизме и в Новом Завете появляется различие: для обозначения гнева людей используется θυμός, для гнева Бога — ὀργή. См. *Hollander H. W. Θυμός // Exegetical Dictionary of the New Testament. Grand Rapids, Mich.: Eerdmans, 1990. P. 160.*

Смену понятий мы также встречаем в 75-м псалме, в котором описывается, как Бог восстал на суд, чтобы спасти всех угнетенных земли. Оригинальный текст звучит довольно туманно: «Когда (ибо) гнев человека прославит Тебя, остаток гнева Ты препоишься (רָגַלְתָּ תַּמָּת הַמַּחַדְוֹת הַיְיָ אֶת הַמַּחַדְוֹת)» (Пс 75:11). Переводчик, видимо, пребывал в недоумении, как «гнев» может прославлять Господа, и поэтому решил заменить «гнев» на «мысль» (ἐνθύμιος). Хотя ἐν-θύμιος образовано от слова θυμός, но в эллинистической литературе за этим словом понимался не «гнев», а — «мысль», взвешенная в уме или принимаемая близко к сердцу¹⁰.

В результате интерпретирующей правки греческий текст 75-го псалма приобрел такую форму: «Ибо мысль человека прославит (исповедает) Тебя, и остаток мысли будет праздновать Тебя (ὅτι ἐνθύμιον ἀνθρώπου ἐξομολογήσεται σοι καὶ ἐγκατάλειμμα ἐνθυμίου ἑορτάσει σοι)».

Олег Лазаренко предполагает, что в данном случае переводчик опирался на Быт 6:6, где ἐνθυμέομαι (задумываться) является синонимом для חָנַן (раскаиваться, сожалеть) [Лазаренко, 2010, 191–192]. При этом он допускает, что переводчик книги Бытия считал, что глагол חָנַן и существительное חַנּוּן происходят от одного корня и потому глагол חָנַן может выражать как идею «сожаления», так и идею «гнева». В таком случае путь от «гнева» к «мысли», по Лазаренко, был выстроен по цепочке: חַנּוּן — חָנַן — ἐνθυμέομαι — ἐνθύμιος.

Хотя гипотеза О. Лазаренко может подвергаться критике¹¹, в то же время его попытка сравнить метод перевода глаголов в Пятикнижии и в Псалтири в целом согласуется с подходом Мартина Рёзеля, что теологию LXX следует изучать во всей совокупности Писания греческого Ветхого Завета, а не в отдельности по каждой из его книг [Rösel, 2006, 251].

На приведенных примерах мы видим, что коррекция перевода осуществлялась не случайно: не в силу того, что переводчик не мог разобрать букв переводимой рукописи, был ограничен в словарном запасе или не понимал значения исходных слов. Скорее напротив, в приведенных правках мы видим руку образованного книжника, который проясняет «туманности» исходника в соответствии со своими религиозными установками.

חֶסֶד и δικαιοσύνη

Древнееврейское существительное חֶסֶד встречается в еврейской Библии 159 раз. Мнения исследователей в отношении значения соответствующего корня חֶסֶד весьма варьируются, поскольку данное слово может описывать как «карающего», так и «спасающего» Бога [TDOT, vol. 12, 2003, 243]. Разница между חֶסֶד и חֶסֶד едва уловимая: первое, вероятно, означает «порядок, норма», второе — «поведение, действие» в соответствии с этим «порядком» [TDOT, vol. 12, 2003, 256].

По мнению Стефана Олофсона, в зависимости от жанра библейского текста и соседствующих слов значение חֶסֶד может варьироваться от «праведности, справедливости» до «истинности, набожности, помощи» и даже «победы, спасения» [Olofsson, 2009, 55]. Около 80 раз данный термин стоит рядом со словом «суждение, правовая

¹⁰ См. употребление слова ἐνθύμιος в Homerus Epic., Odyssea 13:421; Herodotus Hist., Historiae 8:54.8. См.: [Liddell-Scott Lexicon, 1996, 567].

¹¹ Суть нашей критики гипотезы Олега Лазаренко сводится к тому, что глаголы חָנַן и חָנַן восходят к разным корням. Глагол חָנַן не является породой niph'al от חָנַן, как это можно предположить на первый взгляд, поскольку глагол חָנַן является производной от חָנַן. Глагол חָנַן не меняет своего значения в древнееврейском языке. Следовательно, в Быт 6:6 речь, скорее всего, идет о разных по происхождению глаголах, пусть и имеющих некоторые сходства в написании. Вряд ли в уме у переводчика был иной еврейский Vorlage. Он осознанно выбрал глагол ἐνθυμέομαι, который в греческом языке имел значение «мыслить, думать». В этом мы видим сознательное решение сгладить еврейский, слишком антропоморфный, образ Бога, который «раскаялся, изменил Свое мнение или настроение».

сделал ударение на «милосердии» (ἐλεημοσύνη), поскольку глагол «обижать» (ῥῶσ; ἀδικέω; Втор 28:29, 33) описывает такой род притеснений, который далек от справедливости. В результате греческая версия текста по сравнению со своим еврейским исходником выглядит более «сострадательной».

По мнению Олофсона, еврейское מִרְחָם приобретает в LXX множество греческих эквивалентов (δικαιοσύνη, δίκαιος, ἐλεημοσύνη, ἔλεος, δικαίωμα, εὐφροσύνη, κρίμα) в силу несовпадения семантического поля еврейской и греческой лексики [Olofsson, 2009, 56]. В тех случаях, где речь идет о «правиле», переводчик использует δικαιοσύνη; в тех случаях, где текст говорит о «милости, спасении», он выбирает ἔλεος и однокоренные слова. В том и в другом случае он не всегда достигает цели, поскольку понятие מִרְחָם в религиозных представлениях древнего Израиля было невидимой нитью связано с волей Божией и Его Заветом, что невозможно было передать инструментами греческой лексики только лишь подбором подходящего эквивалента.

Следовательно, основная проблема, с которой сталкивался переводчик, была связана не с тем, что для еврейского слова с широким семантическим диапазоном приходилось использовать больше эквивалентов, чем для слов с узким семантическим диапазоном. Проблема заключалась в том, что среди всего богатства лексических ресурсов целевого языка трудно было подобрать точные соответствия тем представлениям о взаимоотношениях Бога и людей, которые постоянно держал в уме иудео-греческий переводчик.

Резюме

Как видно на примерах даже не самой теологически окрашенной лексики, создатели Септуагинты подбирали эквиваленты, которые были согласованы с их представлениями о человеке, мире и Боге. Их «переводческая техника» была с связана с пониманием исходного еврейского текста (Vorlage) как Священного Писания [Olofsson, 2009, 59].

Псалтирь была литургической книгой Иерусалимского храма, которая в поэтической форме воспевала важные догматические и этические истины древнего Израиля. Анализируя коммуникативную ситуацию перевода, исследователи принимают во внимание богословские представления и герменевтические предпосылки, из которых исходили переводчики псалмов [Самков, 2015, 115]. Поэтому, как полагает Эммануил Тов, при работе с лексиконами необходимо учитывать намерение переводчиков LXX и опираться не только на словарную семантику ключевых слов, статистику их употребления в Писании, но и на последующее использование их в традиции, включая экзегезу отцов Церкви [Тов, 1999, 85].

Как бы мы ни пытались уйти от использования слова «теология» в обозначении специфической для библейских текстов «техники перевода», прячась за особенностями лингвистики, идеологии, религиозной традиции исходной культуры и языка получателей Писания, нам невозможно уйти от того факта, что переводчики зачастую подбирали эквиваленты мотивированно. Описывали ли они природный мир или взаимоотношения людей, у них в уме всегда была память о Боге. И это позволяет нам сделать вывод, что филология для них была служанкой теологии.

Со времени формирования Псалтири прошло более двух тысяч лет, сменились религиозные институты, однако, как предполагает Вальтер Брюггеман, до сих пор религиозный фактор использования псалмов имеет то же намерение и функцию, что и в древности [Brueggemann, 2011, 4]. А это, в свою очередь, означает, что все особенности теологического перевода сохраняют свою релевантность и поныне.

Теологическому переводу присуща аккуратность при обращении со «священными» терминами, которые в контексте повествования имеют более высокую роль, чем слова и выражения на бытовые или этнокультурные темы. По мнению А. Десницкого, дело даже не в традиционных терминах, а в том, как инструменты лингвистики используются для передачи Истины [Десницкий, 2015, 41]. Учет этого тем более важен,

что теологическая лексика сохраняет свою религиозную окраску и вне исходных контекстов [Шайновска-Борковска, 2019, 127].

Священные тексты невозможно переводить так, как переводится художественная литература, для которой на первом месте стоит эстетическое воздействие на читателя. В отличие от художественного произведения, теологическое сочинение, по задумке его автора, не является вымыслом, а — особой формой передачи Божественного Откровения как истины, которая формирует у своих реципиентов стандарты морали и норм гражданского поведения. Пример тому — греческая версия Псалтири, которая при всей техничности «до буквы» в передаче еврейского исходника имеет ряд отличий в сфере теологии.

Источники и литература

Источники

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В Синодальном переводе. М.: Издание Московской Патриархии, 1956.
2. Biblia Hebraica Stuttgartensia: SESB Version. Stuttgart: German Bible Society, 2003.
3. Psalmi cum Odis / Ed. A. Rahlfs. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1979.
4. Septuaginta: SESB Edition / Eds. Rahlfs A., Hanhart R. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 2006.
5. Pietersma (2007) — A New English Translation of the Septuagint / Eds. Pietersma A., Wright B. G. New York; Oxford: Oxford University Press, 2007.

Литература

6. Десницкий (2011) — *Десницкий А. С.* Введение в библейскую экзегетику. М.: Издательство ПСТГУ, 2011.
7. Десницкий (2015) — *Десницкий А. С.* Современный библейский перевод. Теория и методология. М.: Издательство ПСТГУ, 2015.
8. Лазаренко (2010) — *Лазаренко О. М.* Переводчик Псалтири Септуагинты как переистолкователь еврейского оригинала. Возникновение греческой Псалтири: цели и методы перевода // Богословский вестник. 2010. № 10. С. 180–199.
9. Самков (2015) — *Самков М. В., иерей.* Современная теория библейского перевода: цеппологание, герменевтика, методология. Дис. ... канд. богословия. М.: ОЦАД, 2015.
10. Селезнев (2008) — *Селезнев М. Г.* Еврейский текст Библии и Септуагинта: два оригинала, два перевода? // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2008. № 18. М.: ПСТГУ. С. 56–61.
11. Селезнев (2016) — *Селезнев М. Г.* В поисках «теологии Септуагинты»: методологические аспекты // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 34 (4). С. 7–28.
12. Скобелев (2011) — *Скобелев М. А.* Переводы Псалтири на русский язык // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2011. № 21. М.: ПСТГУ. С. 241–246.
13. Шайновска-Борковска (2019) — *Шайновска-Борковска Ю.* Проблема перевода церковной лексики // Языковая личность и перевод: материалы IV Международного научно-образовательного форума молодых переводчиков, Минск, 21–22 ноября 2019 г. Минск: БГУ, 2019. С. 126–129.
14. Юнгеров (2009) — *Юнгеров П. А., Шмидт В. В.* Вероучение Псалтири, его особенности и значение в общей системе библейского вероучения // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 54. С. 554–610.

15. Aejmelaeus (2006) — *Aejmelaeus A.* Faith, hope and interpretation: a lexical and syntactical study of the semantic field of hope in the Greek Psalter, in *Studies in the Hebrew Bible, Qumran, and the Septuagint*. Brill, 2006. P. 360–376.
16. Aitken (2015) — *Aitken J.K.* T&T Clark Companion to the Septuagint. London; New York: Bloomsbury Publishing, 2015.
17. Austermann (2003) — *Austermann F.* Von der Tora zum Nomos: Untersuchungen zur Übersetzungsweise und Interpretation im Septuaginta-Psalter. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2003.
18. BDAG (2000) — A Greek-English lexicon of the New Testament and other early Christian literature / Eds. Arndt W., Danker F.W., Bauer W., Gingrich F.W. 3rd ed. Chicago: University of Chicago Press, 2000.
19. Brueggemann (2011) — *Brueggemann W.* The Psalms and the Life of Faith: A Suggested Typology of Function // *Soundings in the Theology of Psalms: Perspectives and Methods in Contemporary Scholarship* / Ed. by R. A. Jacobson. Minneapolis: Fortress Press, 2011.
20. Flint (1997) — *Flint P.W.* The Dead Sea Psalms Scrolls and the Book of Psalms // *Studies on the Texts of the Desert of Judah*. 1997. № 17. Leiden: Brill. P. 257–264.
21. Flint (1998) — *Flint P.W.* The Book of Psalms in the Light of the Dead Sea Scrolls // *Vetus Testamentum*. 1998. № 48 (4). P. 453–472.
22. HALOT (1994–2000) — The Hebrew and Aramaic lexicon of the Old Testament / Eds. Koehler L., Baumgartner W., Richardson M. E. J., Stamm J. J. Leiden: E. J. Brill, 1994–2000.
23. Jobes (2016) — *Jobes K.* Discovering the Septuagint: A Guided Reader. Grand Rapids, MI: Kregel Academic, 2016.
24. Lange, Tov (2017) — The Hebrew Bible. Writings / Eds. Lange A., Tov E. Leiden; Boston: Brill, 2017. Vol. 1c.
25. Liddell-Scott Lexicon (1996) — A Greek-English lexicon / Eds. Liddell H. G., Scott R., Jones H. S., McKenzie R. Oxford: Clarendon Press, 1996.
26. Mozley (1905) — *Mozley F.W.* The Psalter of the Church: The Septuagint Psalms Compared with the Hebrew, with Various Notes. Cambridge: Cambridge University Press, 1905.
27. Olofsson (2009) — *Olofsson S.* Translation technique and theological exegesis: Collected essays on the Septuagint version. Winona Lake, Ind: Eisenbrauns, 2009.
28. Rösel (2006) — *Rösel M.* Towards a “Theology of the Septuagint” // *Septuagint research: issues and challenges in the study of the Greek Jewish scriptures* / Ed. Kraus W., Wooden R. G. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2006. P. 239–252.
29. Schaper (1995) — *Schaper J.* Eschatology in the Greek Psalter. Tübingen: J. C.B. Mohr, 1995.
30. TDOT (1977–2012) — Theological Dictionary of the Old Testament. / Eds. Botterweck G. J., Ringgren H., Fabry H.-J. Grand Rapids, MI; Cambridge, U. K.: William B. Eerdmans Publishing Company, 1977–2012. Vol. 1–15.
31. Tov (1999) — *Tov E.* The Greek and Hebrew Bible: collected essays on the Septuagint. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999.
32. Zenger, Aejmelaeus (2001) — *Zenger E., Aejmelaeus A.* Der Septuaginta-Psalter: sprachliche und theologische Aspekte. Freiburg: Herder, 2001.